

ОТЗЫВ

официального оппонента Медовой Анастасии Анатольевны на диссертацию Черепанова Игоря Владимировича «Квантово-информационная специфика бытия сознания», представленную на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.01– «Онтология и теория познания» (философские науки)

Диссертация Черепанова И.В. «Квантово-информационная специфика бытия сознания» посвящена построению квантово-информационной модели сознания, позволяющей объяснить онтологическую возможность возникновения и существования сознания как нефизического феномена в физическом мире. Поставленная задача решается на основе принципов квантовой онтологии в рамках информационного подхода, согласно которому ментальные состояния рассматриваются как разновидности информационных процессов, а нейронные структуры головного мозга – как их субстрат и материальный носитель.

За последнее столетие бурное развитие философии сознания, прежде всего в рамках аналитической традиции, породило множество философских теорий, которые решают проблемы психофизического характера. К таковым можно отнести теории дуализма субстанций, дуализма свойств, нейтрального монизма, интеракционизма, параллелизма, двухаспектную теорию, эмерджентизм, супервентизм, панпротопсихизм, репрезентационализм, когнитивизм, коннективизм, теорию чувственных данных, адвербиализм, интернализм, экстернализм, машинный функционализм, психологический функционализм, логический бихевиоризм, эмпирический бихевиоризм и т.д. Анализ столь большого разнообразия точек зрения на онтологическую сущность ментальных феноменов показывает, что во многом оно является результатом комбинаторики в рамках сложившихся правил и методов философской проблематики сознания. Чтобы выйти за пределы методологической инерции и наметить новый вектор решения заявленных проблем, автор предлагает обратиться к последним достижениям в таких научных дисциплинах, как нейрофизиология, психофизиология, когнитология, а также физика и кибернетика. Таким образом,

актуальность диссертационного исследования не вызывает сомнений, поскольку апелляция к научному мировоззрению может стать решающим критерием, который позволит протестировать большое разнообразие философских теорий сознания на истинность и методологическую эффективность.

В свете быстрого развития компьютерных технологий возникает вопрос: может ли робот обладать сознанием и иметь качественный опыт, подобный опыту сознающего человека? Если мы ответим на этот вопрос отрицательно, то перед нами встанет нетривиальная проблема: чем по сути отличается человек от своей функциональной копии и каким образом становится возможно то, что в его бытии появляются компоненты, принципиально не моделируемые в виде поведенческих паттернов и логико-вычислительных алгоритмов? Если же мы ответим на поставленный выше вопрос утвердительно, то, помимо того, что столкнемся с рядом этических проблем, обусловленных внедрением человекоподобных роботов в социум, должны будем также объяснить, каким образом вообще возможно то, что комплекс поведенческих паттернов и логико-вычислительных алгоритмов трансформируется в феноменально наполненную и субъективно переживаемую внутреннюю жизнь сознания.

Автор исследования отвергает решение этих вопросов, предлагаемое классической материалистической онтологией, поскольку в данной парадигме неизбежен негативный вывод о том, что ментального опыта в его нередуцируемом качественном содержании вообще не существует. Другая возможная версия решения поставленных проблем – дуализм декартовского типа, утверждающий, что в онтологической основе окружающего мира, помимо материальной субстанции, присутствует нефизическое духовное начало. С целью избежать негативных и идеалистических интерпретаций природы сознания автор смещает методологические основы проводимого исследования от классической материалистической онтологии к первичному дуализму свойств коррелятивного типа, в соответствии с которым «ментальное сущее находится с физическим сущим не в причинно-следственных отношениях, а в отношениях корреляции» (стр. 120). Связывая в единое целое онтологический коррелятивизм и

атрибутивистскую теорию информации, автор показывает, каким образом становится возможным бытие нефизического феномена сознания в физическом мире без нарушения онтологической полноты и принципа материалистического монизма.

В начале диссертационного исследования автор проводит концептуальный анализ понятия сознания и определяет его как внутреннее содержание, которое представляет собой «непосредственное знание, когда познаваемое познается в своем бытии, т.е. репрезентируется через себя самого как само себе тождественное» (стр. 19). Отличительная особенность сознания сводится к его приватности, что порождает методологическую проблему, которая, как показывает автор, не может быть решена без интроспекции, поскольку «никакие когнитивные процедуры, осуществляемые на уровне внешнего знания, или знания извне, не открывают доступ к феноменальному содержанию психики» (стр. 57-58). Именно приватность сознания наделяет его уникальной онтологией и делает любые попытки редукции к объективно наблюдаемым феноменам физического порядка бесперспективными в плане выявления природы ментального опыта и его онтологической сущности.

Продолжая концептуальный анализ феномена сознания, автор предлагает разделить символы на информационные (когда репрезентирующее содержание является инобытием репрезентируемого объекта) и экзистенциальные (когда репрезентирующее содержание является бытием репрезентируемого объекта). В итоге автор приходит к выводу, что сознание – это «экзистенциальный символ бессознательного, а бессознательное – это экзистенциальное содержание, символически зашифрованное в контенте сознания» (стр. 65). Данное понимание онтологических основ психики позволяет сформулировать принцип топографического единства, благодаря которому бессознательное как именно психическое, а не просто совокупность неосознаваемых имплицитных нейрофизиологических процессов, находит свое адекватное место в онтологии ментального, сохраняя свою собственно психическую феноменальную определенность.

Во второй главе диссертационного исследования автор анализирует логически возможные материалистические онтологии сознания. Сначала И.В. Черепанов критикует редуктивный материализм сильного и слабого типов, показывая, что его последовательное развитие с необходимостью приводит к концепции элиминативизма, теряющей феноменальное содержание психики. Затем критике подвергается вторичный дуализм свойств, который не соответствует принципу каузальной замкнутости физического мира и, в конечном счете, нарушает эпистемологическую полноту физики. В результате критического анализа автор останавливается на первичном дуализме свойств, в рамках которого материя понимается как рассредоточенное энергоинформационное целое.

Далее в рамках психофизической проблемы автор отказывается от концепций интеракционизма и эпифеноменализма, которые не согласуются с принципом каузальной замкнутости физического мира и обосновывает позицию коррелятивизма, утверждающего, что психическое является не продуктом физических процессов, а информационным коррелятом, который не редуцируется к процессам нейронного порядка, но находится с ними в супервентных отношениях. Таким образом, автор обозначает свою онтологическую позицию как первичный дуализм свойств коррелятивного типа, которая, по его мнению, наиболее соответствует материалистической экспликации бытия сознания.

В третьей главе автор использует принципы квантовой онтологии с целью углубления своей онтологической позиции и объяснения, каким образом становится возможным существование нефизического сознания в физическом мире без нарушения эпистемологической полноты физики. В частности, соискатель понимает бессознательное как совокупность потенциально существующих психических состояний, которые декогерируют в действительно существующее ментальное состояние сознания, что объясняет, на взгляд автора, множественность психических онтологий, которые, несмотря на их логическую несовместимость, эффективно применяются в профессиональной работе психологов, психотерапевтов и психиатров (с. 250).

Онтологический разрыв между физическим и ментальным аспектами реальности закрывается, согласно авторской концепции, с помощью общего для них свойства темпоральности. В работе выделяются продольные и поперечные интенциональные акты, где первые фиксируют единство репрезентируемого объекта, а вторые – единство репрезентирующего субъекта. Далее автор доказывает, что поперечная интенция «имеет темпоральный характер, поскольку психические акты, которые репрезентируют разные интенционально полагаемые предметы, скрепляются в единое онтологическое целое линейной последовательностью в общем потоке времени» (стр. 180). Дальнейший концептуальный анализ корреляций сознания и времени приводит автора к выводу о том, что информационные состояния материи позволяют объяснить, с одной стороны, бытие нефизического сознания как внутреннего переживания времени, а, с другой стороны, движение физического времени как однонаправленного потока событий из определенного прошлого в неопределенное будущее.

В последней главе автор раскрывает основные функции сознания, которые обусловлены его квантово-информационной спецификой и среди которых особенное внимание следует обратить на редукцию, которая обеспечивает декогеренцию совокупности потенциально существующих бессознательных психических состояний в действительно существующее ментальное состояние сознания, и амплификацию, которая обеспечивает формирование эмерджентного целого в информационном поле психики. Именно эти ментальные функции, по мнению автора, придают сознанию эволюционную значимость по сравнению с другими поведенческими функциями, которые могут быть реализованы на бессознательном уровне бытия.

Автор также применяет квантово-информационную модель сознания к феномену психического вытеснения и получает все основные защитные механизмы, описанные в классическом психоанализе З. Фрейда (замещение, рационализацию, проекцию, сублимацию, противодействие, регрессию и отрицание). Таким образом, квантово-информационная модель сознания

позволяет эксплицировать онтологию, которая лежит в основе современных психотерапевтических практик, что свидетельствует о высокой эвристической значимости исследования.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечивается когерентностью теоретико-методологических позиций, междисциплинарным уровнем анализа феномена сознания, соответствием методов и анализируемых текстов объекту, предмету, целям и задачам исследования.

Достоверность научных результатов, полученных автором, подтверждается использованием современных теоретических и методологических разработок как в области философии, так и в области смежных наук, которые занимаются проблемой бытия сознания (нейрофизиологии, кибернетики, физики). В диссертации проанализировано большое число научных публикаций по психофизической и онтологической проблеме сознания, обобщены текущие результаты исследований ментального опыта по каждой из поставленных в работе задач, сделаны выводы об уровне полноты знания в современной науке по каждому аспекту исследуемой проблемы.

Стиль работы и используемая терминология соответствуют профессиональному языку предметной области диссертационного исследования. Автор обнаруживает способность к самостоятельной научной работе, концептуальному анализу понятий и текстов, а также логическому обоснованию суждений.

Задачи исследования нашли в тексте диссертации свое аргументированное решение. Автор демонстрирует применимость квантово-информационной модели ментального опыта в плане объяснения бытия нефизического сознания в физическом мире. Достаточно полно раскрыта специфика бытия сознательных и бессознательных психических феноменов, анализируемых сквозь призму квантовой онтологии. Не выходя за пределы материалистической линии, автор интерпретирует возникновение субъективно переживаемого феноменального содержания психического опыта в объективно существующем физическом мире (глава 3, §5, в особенности стр. 197 и далее), а также обосновывает возможность

ментальной каузации в рамках эпистемологической полноты физики (глава 4, §4, в особенности стр. 266 и далее).

Удачным представляется деление символов на информационные и экзистенциальные, что позволяет четко развести онтологические механизмы ментального опыта, и онтологические механизмы, которые обуславливают имитацию ментального опыта на поведенческом уровне лишенных психики функциональных автоматов. В итоге автор приходит к принципу топографического единства психики, утверждающему, что «бессознательное оказывается онтологической границей сознания, которая изменяется в зависимости от изменения нейронного кода, лежащего в основе психических переживаний, и изменения структурных и смысловых особенностей интерпретации, тогда как сознание, со своей стороны, оказывается онтической (сущностной) границей бессознательного, которая изменяется в зависимости от изменения латентного содержания психических переживаний» (стр. 66-67). Использование принципов квантовой онтологии позволяет автору по-новому проанализировать феномен сознания и гармонично вписать его субъективную природу в предметную сферу объективного исследования позитивных наук.

Практическое значение диссертации Черепанова И.В. заключается в том, что, помимо решения онтологической и психофизической проблемы сознания, квантово-информационная модель ментального опыта приближает научно-философское сообщество к пониманию онтологической основы мира как энергоинформационного единства материи. Теоретические положения и методологические принципы, используемые в диссертации, могут послужить фундаментом для построения универсальной онтологии, позволяющей интегрировать в непротиворечивое когерентное целое базовые концепты онтологически ориентированных научных дисциплин.

Автореферат и публикации, среди которых восемнадцать статей, опубликованных автором в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК, соответствуют основному содержанию диссертации.

Наряду с общим положительным впечатлением от диссертации имеются следующие замечания и вопросы.

1. Автор основывается на атрибутивном подходе к пониманию информации, согласно которому она является самостоятельным онтологическим началом, не нуждающимся для своего существования в том, чтобы ее воспринимали, понимали или интерпретировали. Онтологически исходную форму информации автор обозначает как первичную нерепрезентативную информацию, которая сопровождает материальные процессы и соответствует их внутренней (эндофеноменальной) стороне бытия. Об операциональной информации говорится как о базовом информационном слое реальности. На уровне операциональной информации физическая система содержит данные только о своем наличном состоянии (о том, какая у нее масса, заряд, температура, энтропия и т.д.) (с. 193). Другой пример: информация, которая принадлежит рассматриваемому апельсиновому апельсину, выражает какие-то его физические параметры (форму, отражательную способность, вес и т.д.) (с.201). Такого рода данные никому и ничему не адресованы и не имеют никакой формы кодирования, более того, само это положение вещей не имеет механизма своего превращения в данные, что вызывает вопрос о правомерности подобного понимания информации.

Остается неясным, каковы объективные основания выделять информацию как самостоятельную форму существования объектов, отличную от них самих и от их признаков, при условии элиминирования из данной системы субъекта, который мог бы фиксировать свойства и состояния объектов, превращая их в данные. Если информация рассматривается автором как нефизическая материальная сфера сущего (с.128), то правомерно ли полагать, что аргументом в пользу подобного выделения является ее материальная количественная фиксация?

В целом, на взгляд рецензента, неререференциальная неcodируемая несемантическая информация не имеет логических оснований для своего выделения. Она не только не подразумевает считывания, но и в принципе неотличима от свойств, расположения, структуры или состояния объектов. Таким образом, операциональная информация тождественна самим объектам, что

противоречит тезису автора о том, что существует четкая демаркационная линия между физическими и информационными состояниями материи (с. 224).

2. Тезис о том, что бессознательное является не проявленной суперпозицией вторичных смыслов (с. 212, 236, 249, 287 и др.), тогда как сознательное существует актуально, представляя собой единственную реализованную возможность из суперпозиции бессознательных состояний, противоречит психоаналитической, в частности фрейдовской концепции, на которую сам соискатель активно опирается. Бессознательные содержания можно квалифицировать как иррациональные или неосознаваемые, но они реализованы на всех уровнях жизни индивида и имеют различные формы поведенческих, ценностных, физиологических и других проявлений. Нельзя согласиться с тем, что бессознательное существует потенциально, представляя собой распределение психических возможностей (с. 253), тогда как сознательное существует актуально. Напротив, бессознательное столь же актуально для психической и ментальной деятельности человека, оно лишь имеет другую форму актуализации.

3. В методологическом плане хотелось бы прояснить, каковы принципы экстраполяции квантовой природы на информацию и на сознание. Автор рассматривает квантово-информационную специфику бытия сознания, понимая информацию как совокупность эндофеноменальных (внутренних) данных, коррелирующих с экзофеноменальной (внешней) системой отношений между физическими объектами (с. 288). В каком смысле сознание и информация являются квантовыми, если автор относит их к нефизической материальной сфере сущего? Является ли признание квантовой природы информации и сознания результатом использования метода аналогии (как в случае с редукцией, благодаря которой потенциальное бытие бессознательной психики реализуется в виде действительного бытия ментальных феноменов по аналогии с коллапсом волновой функции, с. 245), результатом моделирования или же речь идет о прямом отождествлении их с квантовой реальностью? Если последнее верно, то на каких основаниях осуществляется это отождествление?

Указанные замечания не умаляют самостоятельности и значимости выполненного автором диссертационного исследования, которое отличается существенной новизной и представляет собой завершённую научно-квалификационную работу, открывающую новое направление в развитии философской онтологии и теоретическое основание ряда антропологических дисциплин гуманитарного и естественнонаучного профилей. Результаты, полученные автором, обладают методологической эффективностью и эвристической силой в дальнейшей эволюции теоретической менталистики.

Представленная к защите Черепановым Игорем Владимировичем работа «Квантово-информационная специфика бытия сознания» соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук в соответствии с пунктом 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. за № 842. На основании вышеизложенного автор диссертационного исследования соискатель Черепанов Игорь Владимирович заслуживает присуждения искомой степени доктора философских наук по специальности 09.00.01– «Онтология и теория познания» (философские науки).

Доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры музыкально-
художественного образования Красноярского
государственного педагогического
университета имени В.П. Астафьева

А.А. Медова

10.05.2018

Начальник общего отдела 
КГПУ им. В.П. Астафьева

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева». 660049, г Красноярск, пр. Мира, 83, корпус № 2. Кафедра музыкально-художественного образования. Телефон: 8 (391) 263-97-69. E-mail: amedova@list.ru